

Каждый раз при посещении Ставрополя меня мучает один и тот же вопрос: люди искусства, они и в пустыне Сахаре из космоса духовность ловят и впитывают, они с особыми душевными качествами рождены и генерируют энергию прекрасного прямо из окружающей среды, но остальные? Как остальные, живущие на немеряных ставропольских землях, отличают красоту от подделки, хороший вкус от дурного, культуру от масс культа, если во всем крае есть только один очаг прекрасного — ныне Академический театр драмы, да и в нем огонь искусства горит несильным, ровным пламенем, без ярких божественных всплесков?

Во втором очаге искусства давно остывает злато.

Ставропольский краевой театр кукол в этом году намерен отпраздновать 60 лет своего существования. Именно существования, потому что творческой жизнью назвать жизнь театра не поворачивается язык.

Полуразвалившееся, обшарпанное, некрасивое здание в центре Ставрополя на проспекте Октябрьской революции, ранее принадлежавшее Дворцу (!) пионеров, так и не стало родным домом для артистов. Спектакли в нем не играют — запрещено пожарными, только репетируются. Вся творческая деятельность проходит на выездах в школы, детских садах, в клубах. Поэтому и репертуар формируется в зависимости от условий, диктуемых постоянной дорогой и чужими непригодными площадками. Бесконечные "Страусенки Роки", бесчисленные "Медвежата" и "Поросята", главное, чтобы спектакли укладывались в параллели, триллели, и вперед по необъятным просторам Ставрополя. Об искусстве разговор никогда не возникал, да в нем и не было необходимости. Театрально-зрелищное предприятие функционирует, куколок детишкам показывает, план дает, значит все в порядке.

То, что все не в порядке, решил новый директор Владимир Губских, принявший три года назад эти театральные развалины под свою ответственность. Тогда же, впервые за много лет в театр пригласили критика, чтобы узнать, как выглядит со стороны деятельность ТЗП. Мне еще долго не удалось забыть мучительное ощущение безнадёжности и безысходности, охватившее меня после просмотра пяти спектаклей, с которыми театр выезжал к зрителям: спектакли имели косвенное отношение к искусству театра кукол. Уезжала я из Ставропо-

ля подавленная и, честно говоря, мне даже не было жалко артистов, махнувших рукой на свое дело, призвание и мечты.

Вскоре начались регулярные телефонные звонки директора с просьбой подсказать, кого из режиссеров-кукольников можно пригласить на постановку, кто бы согласился приехать поработать с труппой. Из разговоров стало понятно, что начались занятия с педагогом по сценической речи, что возрождается какая-никакая творческая жизнь. А через некоторое время театр стал настойчиво приглашать, чтобы посмотреть на его сегодняшние постановки.

Здание на проспекте Октябрьской революции выглядело так же плохо, как и три года назад. Правда, теперь с него сняли все-кие опознавательные знаки, и отныне ставропольцы вообще не знают, что у них есть театр кукол. Но внутри кипела работа. В зале с изъеденными грибом стенами, скрипучим полом и разваливающимися креслами показывают спектакли, поставленные самыми разными режиссерами, приглашенными на постановку. И надо сказать, "смена руки" явно пошла на пользу. Если при многолетнем художественном застое под руководством Р. Свиридова все произведение были похожи друг на друга как

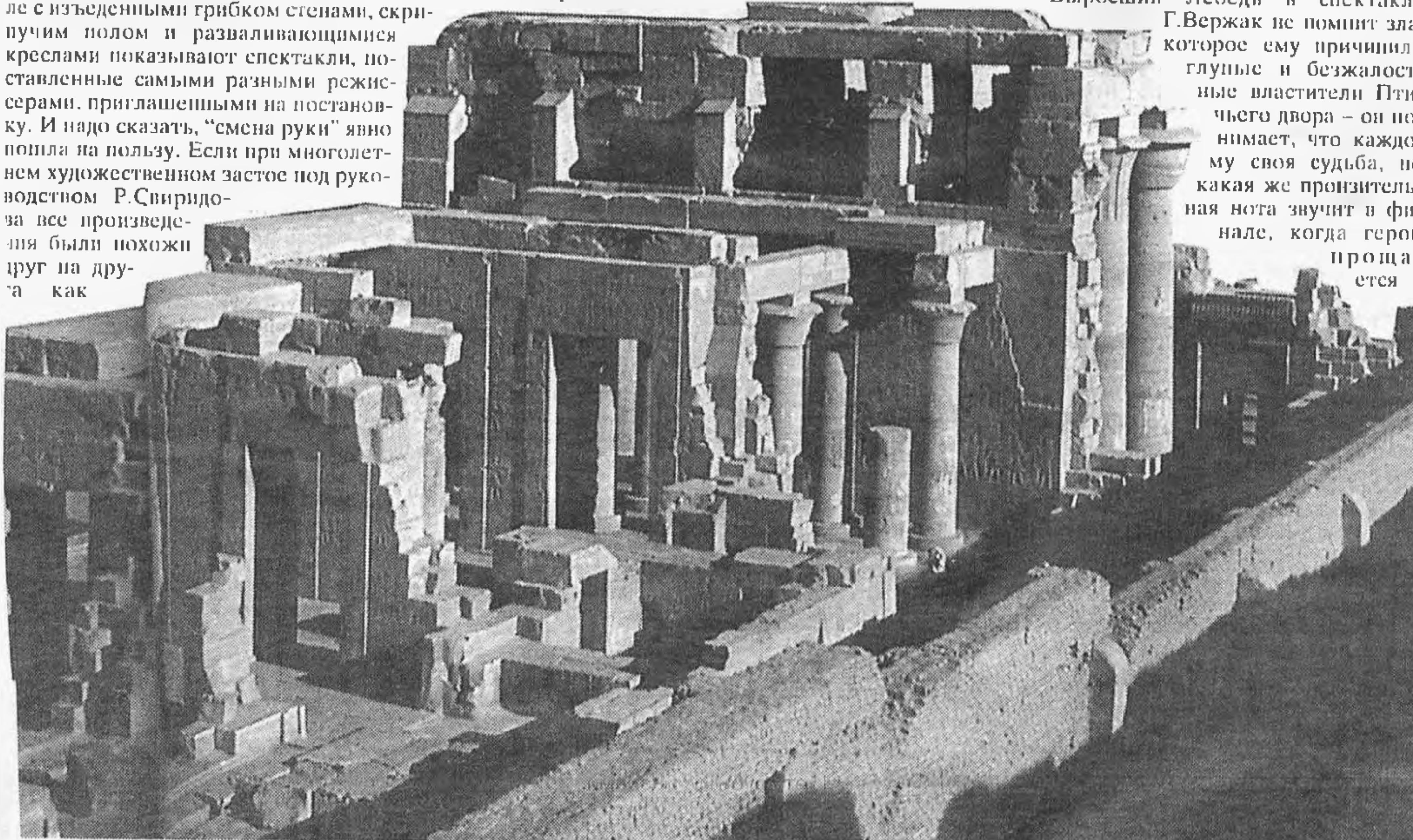
близнецы-братья, то сейчас явно обозначилось стремление к освоению иных пластических форм, других систем кукол, да и попросту желание работать.

Если спектакли большинства режиссеров чаще всего не давали повода для серьезного профессионального анализа, то одна из последних работ способна заинтересовать как специалистов, так и зрителей. На постановку пьесы В. Синакевича "Чужой" директор пригласил педагога из Ленинградского театрального института Галину Вержак и она доказала, что спектакли в театре кукол должны ставить режиссер-кукольник, обладающий специальным "кукольным" мышлением, умеющий работать в тесном творческом контакте с художником и способный объяснить актерам для чего они ставят именно эту пьесу именно в театре кукол.

Г. Вержак

сразу же задала исполнителям очень трудную задачу — в спектакле нет ни одной куклы, все персонажи играют руками, на которые надеты смкие и выразительные детали костюмов героев. Утка в очках и чепчике, с подбородка Индюка свисают блестящие украшения. Петух в ярких перьях умело руководит своими одомашненными дамами. Художник Татьяна Жукова придумала замечательно интересное пространство птичьего двора, в котором родился, живет и познает жестокие законы элитарного общества Гадкий утенок, пока еще не ставший Прекрасным лебедем. Деревянная клетка — родной дом для кур и уток — тесна и ненавистна свободной птице и маленький лебедь постепенно разрушает ее границы, чтобы вырваться на свободу и раствориться в бесконечном пространстве познаваемого мира.

Выросший Лебедь в спектакле Г. Вержак не помнит зла, которое ему причинили глупые и безжалостные властители Птичьего двора — он понимает, что каждому своя судьба, но какая же пронзительная нота звучит в финале, когда герой прощается с

Бездомный праздник

Мамой-уткой, единственным существом искренне любившим его все эти безрадостные годы. И становится понятным, что Белый лебедь, улетающий в прекрасное далеко, никогда не забудет ни Родину-клетку, ни грустную Маму-утку, ни свое печальное детство.

И вот теперь-то самым серьезным образом встал вопрос: где работать? Куда будут приходить ставропольские нарядные, красивые, готовые к встрече с искусством детишки? В очередной гигантский Дворец культуры? Или в казенный актовый зал своей же школы? Скорее всего они вообще не будут испытывать тяги к театру, потому что настоящего театра они никогда не видели, не испытывали сладостного чувства восхищения, когда гаснет хрустальная люстра, поднимается тяжелый тканый занавес, и возникает чудо. Чудо оживления и одухотворения мертвой материи и превращения ее в Прекрасную принцессу или говорящего Кота, страшного и могущественного Волшебника или нежного белого лебедя. Никогда эти дети не поймут разницы между прекрасным и безобразным, никогда не будут испытывать сострадания к слабому и несчастному, никогда не придут сознательно и свободно в театр взрослый и всегда, всю жизнь будут говорить начеку, ложить, ехай.

Поверьте, я несколько не преувеличиваю размеров культурной катастрофы, которую уготовили своим гражданам руководители Ставропольского края. Правда, кто сейчас обращает на такие мелочи внимание? Кто будет думать о нищете духовной, когда множество людей оказалось за гранью реальной нищеты? Но как же стыдно! Богатейший российский край, житница страны, и 60 лет детский театр не имеет своего угла!

А директор краевого театра кукол вместе с заведующей литературной частью придумали и продумали проект: провести в Ставрополе фестиваль театров кукол Юга России, чтобы себя показать и у коллег опыта набраться. И заодно отпраздновать славный юбилей. Может быть, краевой академический театр драмы имени Лермонтова пустит своего младшего брата с гостями в свои стены, чтобы увидели маленькие зрители, что такое настоящий театр с люстрами, занавесом и кожаной мебелью в просторных фойе. И тогда ребяташки поймут, что настоящий театр — это всегда праздник, яркий, одухотворенный, притягательный. И когда-нибудь подростки захотят, чтобы их наследники приходили в свой театр, чтобы они считали его своим домом, в котором их учат красивым чувствам, состраданию слабым, сопереживанию героям. Может быть! Может быть!

Экран и сцена, 1996. - 13-20 июля - 41